

МОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА И ЖЕРТВЕННОСТИ ИУДЫ В ПОВЕСТИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «ИУДА ИСКАРИОТ» (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Бурцева Елена Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО

«Уфимский университет науки и технологий»

(Бирский филиал)

elena-burceva@mail.ru

THE MOTIVE OF BETRAYAL AND SACRIFICE OF JUDAS IN THE STORY OF LEONID ANDREEV JUDAS ISCARIOT (TO THE PROBLEM STATEMENT)

E. Burtseva

Summary: This article discusses the formulation of a question related to a new reading of Leonid Andreev's story "Judas Iscariot", which in the research literature is traditionally interpreted as an expression of the author's subjective vision of the Gospel plot. His subjective interpretation is associated with the modernism inherent in the literature of the early XX century, to which the author of the story belonged. The article attempts to analyze the plot and ideological moves of the story through the prism of a deep analysis of L. St. Andrew's Gospel text, which could allow the writer not so much to interpret it in an original way, creating an author's text array, as to artistically expand and deepen the Gospel concept, without departing from the canonical interpretation, thereby clarifying the role of Judas in the events set forth in the Gospel plot. The article highlights the plot-ideological parallels and outlines ways to study them based on the system of motives of the actions of the heroes. As a result, an attempt is made to propose a new concept of interpretation of the story of L. Andreev's "Judas Iscariot" from the point of view of following the plan of the Evangelists and its artistic embodiment.

Keywords: gospel plot, motive, story, literary hero, literary portrait, text.

Аннотация: В данной статье рассматривается постановка вопроса, связанного с новым прочтением повести Леонида Андреева «Иуда Искариот», которая в исследовательской литературе традиционно трактуется как выражение авторского, субъективного видения евангельского сюжета. Его субъективную интерпретацию связывает с модернизмом, присущим литературе эпохи начала XX века, к которой принадлежал автор повести. В статье делается попытка проанализировать сюжетные и идейные ходы повести через призму глубокого анализа Л. Андреевым евангельского текста, что могло позволить писателю не оригинально интерпретировать его, создав авторский текстовый массив, а художественно расширить и углубить именно евангельскую концепцию, не уходя от канонической интерпретации, тем самым уточнив роль Иуды в событиях, изложенных в евангельском сюжете. В статье выделены сюжетно-идейные параллели и намечены пути их изучения на основе системы мотивов поступков героев. В итоге делается попытка предложить новую концепцию интерпретации повести Л. Андреева «Иуда Искариот» с точки зрения следования замысла евангелистов и его художественного воплощения.

Ключевые слова: евангельский сюжет, мотив, повесть, литературный герой, литературный портрет, текст.

В исследовательской литературе по творчеству Леонида Андреева его повесть «Иуда Искариот» традиционно трактуется как авторская интерпретация евангельского сюжета в русле философско-религиозных исканий писателя. Литературные критики сосредоточились на анализе авторской интерпретации евангельского сюжета, связанного с темой предательства, волновавшей писателя в связи с его интересом к выражению метафизического и трансцендентального в литературе [1]. Но, на наш взгляд, пришло время рассмотреть повесть Л. Андреева не с точки зрения авторского видения «вечного сюжета», а с точки зрения художественной доработки евангельского текста, его авторского «доосмысления», «дорассказывания», полностью согласующегося с евангельским канонам.

Замысел написания повести «Иуда Искариот» окончательно сформировался у Л. Андреева в 1906 года. Писатель изучал все, что было связано с жизнью учени-

ков Иисуса, но наиболее сильно он был заинтересован жизнью одного из них – Иуды Искариота. Изучая евангельский сюжет и его трактовки, Л. Андреев выделил для себя проблему «психологии предательства» и мотивы, толкающие к нему. Поэтому главным героем своего будущего произведения он видел не Иисуса, как жертву предательства одного из учеников, а Иуду, который не только предал своего Учителя, но и стал символом предательства [2]. Интерес писателя к этой проблеме вполне объясним, если учесть, что Л. Андреев как личность и как художник формировался в эпоху повального увлечения аналитической психологией. Ф. Ницше, умерший в 1900 году, оставил после себя ряд работ, которые оказали решающее влияние на развитие философской мысли начала XX века. Нельзя не учесть и общую социально-политическую действительность в России того времени, когда перед обществом встали вызовы, о которых ранее невозможно было даже и предполагать. Весь конец XIX века Россию сотрясали череда громких

покушений, убийств, судебных процессов и приговоров. Россия пережила в начале века первую русскую революцию 1905 года, историческое событие, которое еще только осмыслялось современниками. Все это заставляло воспринимать по-новому, казалось бы, незбылемые бытийные и библейские истины. Библейские сюжеты перед современниками Л. Андреева представляли в новом свете, подчас не как тысячелетней давности миф, а как живое напоминание о выборе сегодняшнего дня. Писатель помимо евангельского текста внимательно изучал произведения мировой художественной литературы, в которых затрагивалась интересующая его тема. Среди них, конечно же, «Божественная комедия» Данте, в которой Иуда был помещен рядом с Люцифером в ту часть Ада, в которой Люцифер и Иуда оказались «собратьями» по предательству: один предал Бога, другой – его Сына. Темы верности и предательства были широко осмыслены греческой философской мыслью и древнегреческой литературой: так в «Одиссее» Гомер воспекает верность Пенелопы; в пьесе Еврипида «Медея» и сама Медея, и Ясон за свое предательство жестоко наказываются безжалостным роком. Л. Андреев, получивший классическое образование, хорошо эти и многие другие сюжеты мировой литературы знал. Сильное впечатление на него произвел роман французского философа Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса», который был переведен на русский язык и опубликован в 1902 году. Л. Андреев, в то время уже достаточно серьезно увлекающийся изучением жизни Святых, конечно же, заинтересовался интерпретацией роли Иисуса в жизни Иудеи, которую давал Ренан в своем романе [3]. Это, вполне возможно, натолкнуло его на мысль о том, что библейские мифы, которые трактовать имела право только Церковь, нуждаются и вне канонического, философского и даже художественного переосмысления. Тем более, что сами библейские тексты содержавшие откровенно неоднозначный материал, давали повод для нетрадиционных толкований и нетрадиционных трактовок.

Воплощать свой замысел в жизнь Л. Андреев начинает чуть позже – после переезда в 1906 году на Кипр, где повесть и была написана в рекордно короткий срок – всего за две недели. Одним из первых читателей повести стал Максим Горький, который по воспоминаниям К. Чуковского, считал Л. Андреева своим единственным другом [4]. Первая редакция повести М. Горькому не понравилась, он был уверен, что читателю сюжет повести будет малопонятен, кроме этого, М. Горький указал Л. Андрееву на ряд фактических и исторических ошибок в тексте, которые по мнению М. Горького, сильно снижали художественную ценность произведения. Также М. Горький предвидел, что публикация повести может вызвать разногласия по поводу ее трактовки как среди литературных критиков, так и среди читателей и даже поклонников таланта Л. Андреева. М. Горький посоветовал изменить название повести. Первоначально она на-

зывалась «Иуда Искариот и другие». Убрав «другие» ставился акцент на одном центральном герое, что делало идейный замысел произведения более неординарным и более ясным, тем более что изначально Л. Андреев стремился сосредоточить свое внимание не на жертве предательства, Иисусе, а на самом предателе, Иуде. Окончательный текст повести позволяет утверждать, что писатель серьезно отнесся к замечаниям М. Горького, и, прежде чем приступить ко второй редакции, тщательно проштудировал евангельские тексты, чтобы исправить все указанные ему ошибки. В феврале 1907 года повесть была опубликована в альманахе «Сборник товарищества «Знание» за 1907 год» (книга 16) [5].

Как и предполагалось, после выхода повесть вызвала шквал противоречивых оценок. О ней писали и о как гениальном произведении, и как о произведении, которое извратило евангельский текст. В андреевском тексте взгляд на библейские события был дан с неканонического ракурса – события показывались глазами Иуды. Поток противоречивых оценок и споров свидетельствовал прежде всего о колоссальном интересе современников как к личности самого писателя, так и к плодам его творчества. А также – к поднятой Л. Андреевым теме. Не случайно сразу же после своего выхода повесть была несколько раз переиздана и переведена на многие европейские языки. Среди тех, кто ругал повесть Л. Андреева были Лев Толстой, Василий Розанов, многие другие. Но высоко повесть оценили Максим Горький, Александр Блок, один из самых заметных литературных критиков того времени – Корней Чуковский. И все же, квинтэссенцией отрицательного отношения к позиции Л. Андреева, выраженной им в повести «Иуда Искариот», можно считать статью Ю. Анхенвальда, посвященную творчеству Л. Андрееву, в которой автор характеризует писателя не более чем «искусного рисовальщика», отказывая ему в художественном мастерстве выражения философских глубин авторского постижения вечных вопросов [6].

Но среди лавины откликов почти никто не обратил внимание на то, что Л. Андреев не просто выразил в повести свой субъективный взгляд на всем хорошо известный евангельский сюжет о предательстве Иуды своего Учителя. Литературная критика не обратила внимание на то, что Л. Андреев создал художественную версию евангельского события, наделив его героев поступками и мыслями, которые, вполне возможно, просто остались «за кадром» канонического текста, так как Святое Писание решало проблему фиксации событий, без их художественного воплощения, то есть без использования в описании этих событий всего арсенала средств художественной выразительности, какими пользуются не историки и хроникеры, а писатели. Традиционно именно образ евангельского Иуды обращал на себя пристальное внимание, превратившись в некий символ предательства. Переходя из текста в текст на протяжении тысячеле-

тий этот образ почти не подвергался переосмыслению. Попадая в иные контексты, вне зависимости от эпохи, времени и направления в культуре, образ Иуды почти не привносил новые смыслы, оставаясь вечным образом предателя и предательства как такового. Образ Иуды, таким образом, всегда трактовался на фоне существующей религиозной традиции. Его почти не затрагивали иные ассоциации и интерпретации, потому что первооснова – библейский миф, трактовала его так и никак иначе. Например, в одном из наиболее авторитетных справочных изданий эпохи Л. Андреева Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона – об Иуде пишется следующее: «Иуда Искариот – один из 12 апостолов, предавший своего Учителя. Свое прозвище он получил от г. Кериофа, из которого был родом (Иш-Кериоф – человек из Кериофа); впрочем, мнения в этом отношении расходятся. Во всяком случае, он был единственным иудеем среди апостолов, которые все были галилеяне. В обществе апостолов он заведовал их кассой, из которой скоро начал похищать деньги, и затем, обманувшись в надежде, что Иисус Христос явится основателем великого земного царства, в котором все иудеи будут князьями и утопать в роскоши и богатстве, он продал своего Учителя за 30 серебряников (или сиклей: 3080 к. = 24 р. зол.), но от угрызений совести повесился. Немало было попыток разгадать его переход от апостольства к предательству...» [7].

Но внимательное прочтение евангельского текста позволяет несколько по-другому взглянуть на проблему предательства, связанную с образом Иуды. В процессе тщательного изучения Священного Писания Л. Андреев не мог не обратить внимание на некоторые фрагменты текста, которые выдают явную неоднозначность как главного, с точки зрения предательства, героя, так и всей ситуации, сложившейся вокруг этого предательства. Евангелие сообщает, что Иуда заведовал казной, следил за расходами, хранил пожертвования. Видимо, упоминание об этом должно было подчеркнуть, что он изначально был довольно «сребролюбив», что и стало, по библейскому канону, причиной того, что Иуда поддался «дьявольскому» искушению. Показательны в этом плане описания сцены с драгоценным миром, которое «возлила» на голову (помазала ноги в евангелии от Иоанна) Иисуса женщина. Некоторые евангелисты (Марка и Матфей) описывают примерно одно и то же: «Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, подошла к Нему женщина с алебастровым сосудом мирра драгоценного и стала возливать Ему на голову в то время, как Он возлежал. **Увидев, ученики вознегодовали и говорили: к чему эта расточительность? Ведь можно было бы это продать за большую цену и дать нищим** (выделено мною Е.Б.). Но Иисус, узнав, сказал им: что смущаете женщину? Доброе дело сделала она для Меня; ибо нищих вы всегда имеете с собою, Меня же не всегда имеете; возлив это миро на тело Мое, она сделала это для Моего погребения. Истинно говорю вам: где

ни будет проповедано это Евангелие, во всем мире, будут говорить и о том, что сделала она, в воспоминание о ней» (евангелие от Матфея 26: 6-13). Но в евангелии от Иоанна «вознегодовавших учеников» автор персонализирует: это теперь не просто ученики, это один конкретный ученик – Иуда: «Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. **Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искариот, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали**» (выделено мною Е.Б.) (евангелие от Иоанна 12: 3-6). Конечно, ретроспективно, но, тем не менее, евангелист Иоанн считает, что предложение Иуды было вызвано не заботой о нищих, а только лишь желанием пополнить денежный ящик, за который он отвечал. И именно с этим – желанием обогатиться – в евангельском тексте связывают все последующие действия Иуды – он отправляется к первосвященникам и предлагает им выдать Иисуса за «тридцать сребренников».

Интересно проследить, как именно и когда именно Иуде приходит идея предательства. Пожалуй, только у Иоанна поступок Иуды мотивирован. В других евангелиях просто фиксируется сам факт предательства. В евангелии от Луки нет конкретного указания на момент зарождения идеи предательства, просто констатируется: «И вошел сатана в Иуду, называемого Искариотом, одного из числа Двенадцати; и он пошел совещаться с первосвященниками и начальниками стражи, как бы предать Его им» (евангелие от Луки 22: 3-4). В евангелии от Марка и Матфея к своему предательству Иуда приходит именно в момент разговора о драгоценном мире, когда «некоторые» ученики возмутились, а Иисус объяснил им важность этого момента. Но реакция Иуды странная, ведь ни слова не говоря он просто «пошел к первосвященникам, чтобы предать Его им» (евангелие от Матфея 14: 10). И только в евангелии от Иоанна момент этот обозначен иначе, с намеком на психологизм, некоторое переживание Иуды, которое можно предположить. Конечно, это предполагаемое переживание обозначено евангелистом случайно, он не желал углубляться в поступок Иуды с целью понять его или оправдать, он преследовал совершенно другую цель: показать низость натуры Иуды. Не случайно именно Иоанн, единственный из всех евангелистов так часто подчеркивает предательство Иуды: «которых хотел предать его» (в момент возлияния на Иисуса драгоценного мира), «когда диавол уже заронил в сердце Иуды Симонова Искариота намерение предать Его». Показателен и момент, когда Иуда переходит от замысла к действию. Этот момент показан только в евангелии от Иоанна: когда свершалось таинство последнего разговора Иисуса со своими Учениками и он преломлял

перед ними хлеб и пил вино, Иисус сказал им о том, что кто-то из тех, кто сейчас сидит с ним предаст его. Ученики недоумевают и спрашивают, кто бы это мог быть. И Иисус им отвечает: «тот, кому Я обмакну и дам этот кусок. Обмакнув кусок, Он берет и дает Иуде, сыну Симона Искариота. И тогда, после этого куска, вошел в него сатана...

Взяв кусок, он вышел тотчас. Была ночь (выделено мною Е.Б.)» (евангелие от Иоанна 13: 26-30). Зачем Иоанн подчеркнул «была ночь»? Не для того ли, чтобы усилить зловещую атмосферу и тем самым усугубить вину Иуды за это предательство?

Интересно, что тридцать сребреников – не самая большая сумма по тем временам. Странно выглядит то, за что именно Иуда получает свои «тридцать сребреников» – предлагает первосвященникам указать на Иисуса. Но ведь Иисус был хорошо известен в краях, в которых проповедовал, он был узнаваем всеми. Определенная тайна, недосказанность, откровенная странность всех этих действий и событий – очевидны. И именно из-за таких вот моментов в каноническом тексте евангелия, связанных с предательством Иуды, этот библейский миф был столь привлекателен для писателей, мыслителей, художников. В том числе и для Л. Андреева. В этом библейском сюжете он угадывал явный момент предопределения, некой судьбы, которая ведет прежде всего самого Иисуса и, как ни странно, предателя Иуду. Особенно много моментов откровенного указания на предопределенность всего происходящего мы находим опять в евангелии от Иоанна, где Иисус говорит своим ученикам: «лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если я не пойду, Утешитель не придет к ним; а если я пойду, то pošлю Его к вам...» (евангелие от Иоанна 16: 7), хотя подобные намеки на предопределение мы можем найти во всех четырех евангелиях: «вы знаете, что через два дня Пасха, и Сын Человеческий предан **будет** (выделено мною Е.Б.), на распятие» (евангелие от Матфея 26: 2), «Это же всё произошло, **чтобы исполнились** (выделено мною Е.Б.), писания пророков» (евангелие от Матфея 26: 56), «Ибо Сын Человеческий **идет, как написано о Нем...** (выделено мною Е.Б.),» (евангелие от Марка 14: 21), «ибо Сын Человеческий **идет по предназначению** (выделено мною Е.Б.), » (евангелие от Луки 22: 22). Но наиболее четко ситуация предопределения проявлена в моменте, когда, собравшись со своими учениками, Иисус говорит о предстоящем предательстве, на что ученики просят указать, кто из них предаст своего Учителя. В описании событий того вечера Евангелист Иоанн рассказывает о том «тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: **что делаешь, делай скорее** (выделено мною Е.Б.)» (евангелие от Иоанна 13: 26-27). Это и звучит, и выглядит двояко: с одной стороны – предательство предопределенно, именно благодаря ему должно свершиться все то, что свершиться – распятие Иисуса на кресте, ставшее сим-

волом искупления грехов человеческих; с другой – «горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (евангелие от Матфея 26:24). Очевидно, что евангельский текст позволяет широко трактовать предательство Иуды и даже предполагать его некоторую предопределенность, «запрограммированность», ведь именно после поданного Иуде куска «вошел в него сатана» и Иуда «приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь» (евангелие от Иоанна 13: 27-30). Словно маховик предательства был запущен в определенном месте, определенными действиями и лишь для того, чтобы в дальнейшем произошли определенные (запрограммированные) события.

Интересно и то, что еще до распятия Иисуса, с предавшим его Иудой происходят не совсем понятные и мотивированные его предыдущими поступками события: Иуда раскаивается, признает свою вину и, бросив тридцать сребреников тем, от кого он их получил, кончает жизнь самоубийством: «Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? Смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился» (евангелие от Матфея 27: 3-5). Самоубийство Иуды парадоксально, оно выглядит как акт самоосуждения. Но это не только результат невыносимых мук совести. Скорее всего, за предательством и самоубийством может быть скрыто и что-то еще. Ведь не случайно Иуда кончает жизнь самоубийством наиболее чувствительным для себя, с точки зрения позора, образом – повесившись на дереве. Он не мог не знать, что пятая книга Пятикнижия Ветхого Завета (Второзаконие) гласит: «ибо проклят пред Богом повешенный и не оскверняя земли твоей, которую Господь Бог дает тебе в удел» (Второзаконие 21, стих 23).

Таким образом, само евангелие задает вектор для размышлений над двойственностью и парадоксальностью действий Иуды и его роли в истории Иисуса. Этого не могли не заметить и поэтому вся мировая философская и христианская мысль многократно обращалась к трактовке этой проблемы. Ведь дело было не только в том, что Иуда изначально – вор. Дело в тайне души Иуды, его психологии, следственно-причинной цепочке, приведшей его к предательству. То есть именно всего того, что так сильно интересовало Л. Андреева. Чутьем большого художника Л. Андреев уловил некую «загадку» Иуды, которую породило само Евангелие. Канонический текст не содержит психологического объяснения предательства, хотя на мотив указывает однозначно: Иуда – вор, он «сребролюбив». Но все ключевые эпизоды, о которых говорилось выше, не просто повествуют о событиях в их последовательности, ненамеренно евангелисты, каждый по-своему, подчеркнули некую предопределенность этого предательства. Отсутствие явной психологи-

ческой подоплеки не говорит о том, что ее нет. Психологизм угадывается за недосказанностью, что, в конечном итоге, и делает текст Священного Писания настолько живым и притягательным. Л. Андреев не просто стремился постичь психологические мотивы предательства. Он поставил перед собою задачу проникнуть в суть личности евангельского героя, понять его психологию, но не выходя за пределы канонического текста, а углубляясь в него, рассказывая историю Иуды через долгий и мучительный взгляд на героя изнутри событий и глазами рассказчика. Но это не уводит читателя от евангельского текста, а погружает в глубину, расширяет текст в плане пояснения его основной идеи. В этом расширении не было оправдания предательства, в чем неоднократно обвиняли Л. Андреева после публикации повести. Л. Андреев решал другую задачу – как можно подробнее изложить «закадровый» событийный материал. Более того, в этом изложении он идет прямо по тексту евангелия, только наделяя свой текст подробностями, которые, кажутся словно пропущенными сценами евангелия. При этом Андреев, параллельно решает и художественные задачи. Так описывая героя, автор создает его литературный портрет, каждый из героев за счет этого описания обретает внутреннюю и внешнюю характеристику. Действенным является используемый автором прием контраста. Например, в описании Иуды включено описание Иисуса как указание на то, что эти два героя хотя и не сопоставимы по значению, но роль и того, и другого чрезвычайно важна в дальнейших событиях, что именно они являются ключевыми персонажами всей истории: «Он был худощав, хорошего роста, почти такого же, как Иисус, который слегка сутулился от привычки думать при ходьбе и от этого казался ниже; и достаточно крепок силою был он, по-видимому, но зачем-то притворялся хилым и болезненным и голос имел переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины, ругающей мужа, досадно-жидкий и неприятный для слуха...» [8]. Можно предположить, что в своем повествовании Л. Андреев опирается на версию Иоана, ведь именно в евангелии от Иоана содержится больше всего упоминаний Иуды, хотя и появляется Иуда почти в всей финале истории. И именно поэтому Л. Андреев пишет: «Никто из учеников не заметил, когда впервые оказался около Христа этот рыжий и безобразный иудей» [9], т.е. появление его было поканонически «внезапным». Так же именно Иоан неоднократно

подчеркивает предательскую сущность Иуды и Л. Андреев особо выделяет, что именно Иоан «брезгливо отодвинулся», «упорно молчал» [10] и, опять же, для контраста описывая Иоана создает образ красоты, рядом с безобразием Иуды «...холодными и красивыми глазами смотрит Иоанн, красивый, чистый, не имеющий ни одного пятна на снежно-белой совести» [11]. Из евангелия мы получаем краткую справку о том, что Иуда заведует денежными делами общины последователей Христа. Л. Андреев показывает, что за этим понимается: «Иисус поручил ему денежный ящик, и вместе с этим на него легли все хозяйственные заботы: он покупал необходимую пищу и одежду, раздавал милостыню, а во время странствований приискивал место для остановки и ночлега» [12]. Среди тех, кто расположен к Иуде по версии Л. Андреева – Петр – один из самых значимых фигур не только евангелия, но и всего христианства, христианства, которое никак не среагировало на вполне четко обозначенное в евангелии предательство Петра, о котором написано: «И обернувшись, Господь взглянул на Петра. И вспомнил Петр слово Господне, как Он сказал ему: сегодня, прежде чем пропоет петух, ты отречешься от Меня трижды. И выйдя вон, плакал горько» (евангелие от Луки 22: 61). И именно поэтому Петр, по версии Л. Андреева, не просто сближается с Иудой, он заводит с ним разговор о вере в Иисуса, словно подтверждение или опровержение своих внутренних сомнений именно от этого человека для Петра важнее всего. В этом тоже видится некая параллель, ведь вполне очевидно, что Петр близок к Иуде по роли своего мимолетного, без каких-либо последствий, но все же предательства. И указанием на это Л. Андреев не противоречит канону, а акцентирует внимание на одном из его эпизодов.

Таким образом, Л. Андреев замечает и «вытаскивает» на передний план разбросанные по евангелию намеки, которые помогают лучше увидеть, понять и осознать происходящее. Л. Андреев отводит особую роль Иуде не только потому, что тот ключевая фигура, сыгравшая роковую роль, но и потому что именно с ним связана неразрешимая загадка предопределенности событий и двойственность совершенного им предательства, которое в самом евангелии представлено как необходимое звено всех последующих событий, направленных на спасение человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуковский К. Современники: портреты и этюды. Москва: Издательство Молодая гвардия, 1967. С.202.
2. Крючков В. «Еретики» в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков: Учебное пособие. Москва: Издательство Лицей, 2003. – 285 с.
3. Западова Л.А. Источники текста и «тайны» рассказа-повести «Иуда Искариот» // Русская литература. 1997. № 3.
4. Чуковский К. Современники: портреты и этюды. Москва: Издательство Молодая гвардия, 1967. С.218.
5. Литературное наследство. Т.72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. Москва: Издательство Наука, 1965. – 630 с.
6. Айхенвальд Ю. Силуэты русский писателей. Москва: Издательство Республика, 1998. С.100.

7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XIIIа. Исторические журналы - Калайдович. С-Петербург, 1894. С.766-767.
8. Андреев Л. Иуда Искарот. Дневник сатаны. Рига: Издательство: Артава, 1991. С.8.
9. Андреев Л. Иуда Искарот. Дневник сатаны. Рига: Издательство: Артава, 1991. С.7.
10. Андреев Л. Иуда Искарот. Дневник сатаны. Рига: Издательство: Артава, 1991. С.9-10.
11. Андреев Л. Иуда Искарот. Дневник сатаны. Рига: Издательство: Артава, 1991. С.10.
12. Андреев Л. Иуда Искарот. Дневник сатаны. Рига: Издательство: Артава, 1991С.11.

© Бурцева Елена Анатольевна (elena-burceva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уфимский университет науки и технологий